

мает уголовно-исполнительное законодательство стран СНГ, которое принималось с учетом модельного Уголовно-исполнительного кодекса государств – участников СНГ.

Данный документ закрепляет систему принципов уголовно-исполнительного законодательства (ст. 7), которая полностью соотносится с системой принципов в Российской Федерации. Указанный факт позволяет сделать вывод об идентичности, во-первых, содержания принципа соединения наказания с исправительным воздействием, во-вторых, порядке применения мер наказания и мер исправительного воздействия в отношении осужденных. В то же время оценка уголовно-исполнительного законодательства ряда других стран СНГ свидетельствует об иных подходах к определению содержания указанного принципа. В частности, речь идет о законодательстве Республики Беларусь, где содержание данного принципа отличается от положений модельного Уголовно-исполнительного кодекса государств – участников СНГ и законодательства Российской Федерации.

Основным источником уголовно-исполнительного законодательства Республики Беларусь является Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь 2000 г., где данный принцип закреплен как принцип сочетания принудительных мер с воспитательным воздействием.

Давая правовую оценку понятиям «воспитательное воздействие» и «исправительное воздействие», отметим, что уголовно-исполнительный закон обоих государств не содержит определений «воспитательное воздействие» и «исправительное воздействие».

При этом Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации в гл. 15 «Воспитательное воздействие на осужденных к лишению свободы» в содержание воспитательного воздействия на осужденных в местах лишения свободы включает: воспитательную работу, общее образование, меры поощрения и взыскания. Таким образом, воспитательное воздействие определяется как составляющая исправительного воздействия в отношении осужденных.

В свою очередь, совокупность средств исправления образует исправительное воздействие, которое представляет особый вид воспитательного (педагогического) процесса, осуществляемого при исполнении наказания, т. е. в условиях реализации мер государственного принуждения, ограничения прав, свобод и законных интересов осужденных.

Таким образом, существует противоречие в том, что воспитательное воздействие в отношении осужденных включается в исправительное воздействие. Но сам исправительный процесс является разновидностью воспитательного процесса, характеризующийся особой категорией участников данного взаимодействия.

В то же время УИК Республики Беларусь расширяет представление о воспитательном воздействии, дополнительно включая в эту главу психологическую помощь осужденным, самостоятельные организации, деятельность общественных воспитателей, критерии и степень исправления осужденных к лишению свободы (гл. 14).

На наш взгляд, представления и правовая регламентация воспитательного воздействия обеих стран нуждаются в расширении. Во-первых, не включена педагогическая составляющая воспитательного воздействия при исполнении наказаний в отношении осужденных, во-вторых, не содержится иных элементов, оказывающих воспитательный эффект на осужденных в местах лишения свободы (режим, социальная работа, труд, деятельность общественных организаций, медицинское обслуживание и т. д.).

Термин «воспитательное воздействие на осужденных к лишению свободы» не раскрывается и в международных нормах. Так, в Европейских пенитенциарных правилах 2006 г. применяется понятие «исправительное воздействие», которое включает в себя труд, воспитательную работу, общеобразовательное и профессиональное обучение, физкультуру, подготовку к освобождению и т. д. При этом международные стандарты относят исправительное воздействие к основополагающим правилам исполнения наказания в пенитенциарных учреждениях.

Подводя итог, необходимо сказать, что реализация принципа соединения наказания с исправительным воздействием в Российской Федерации и Республике Беларусь требует:

формирования четкой практики его применения, включения в процесс исправления осужденных на законодательном уровне педагогической составляющей и привлечения соответствующих специалистов данной области;

пересмотра основных положений уголовно-исполнительного законодательства в главе «Воспитательное воздействие». Кроме того, учитывая положения международных стандартов, название данной главы следует представить как «Исправительное воздействие» и дополнить ее полным комплексом мер, оказывающих исправительное воздействие на осужденных в местах лишения свободы;

разграничения объемов понятий мер наказания и мер исправительного воздействия в правовых актах обеих стран.

УДК 343.824

Т.М. Катцова

ОБРАЗОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ: РАЗВИТИЕ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – НАЧАЛО XX в.)

Развитие теоретико-правовых взглядов на проблему образования как средства исправления осужденных к лишению свободы было неразрывно связано с развитием учения о наказании и его целях с одной стороны и научных идей относительно образования и его значения в обществе с другой.

Несмотря на то что к концу XVI в. тюремное заключение становится одним из главных видов наказаний, устойчивый интерес к практической деятельности тюрем со стороны общественности возникает лишь ко второй половине XVIII в. Этот

интерес был вызван, во-первых, тяжелыми условиями содержания мест заключения, во-вторых, развитием идеи об исправлении осужденных и началом поиска средств исправления.

Призывы к рациональной и гуманной организации тюремных учреждений содержатся в произведении Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях» (1764), в трудах великих просветителей и деятелей французской революции (Монтескье, Вольтера, Робеспьера, Марата и др.). Именно философы и мыслители этого времени впервые указывают на взаимосвязь между ростом преступности и уровнем образования населения.

Появление же идеи о необходимости образования как средства исправления осужденных к лишению свободы связано с движением за реформирование тюремной системы, охватившем Европу и Америку в конце XVIII – начале XIX в. Впервые мысль о необходимости образования заключенных была высказана в конце XVIII в. в исследованиях Джона Говарда и Иеремии Бентама. Дж. Говард в своих трудах четко выразил мысль о том, что основными целями тюремного заключения должны стать исправление преступника и приспособление его к правомерности в обществе. Достижению этих целей, по его мнению, наряду с гуманным отношением к осужденным, обязательным привлечением их к труду должно было способствовать обязательное религиозное образование осужденных. И. Бентам в своей работе «Паноптикон» (1791) высказал мысль о создании школ в тюрьмах. Бентам впервые отметил необходимость профессионального обучения осужденных к лишению свободы, указал на его значение в процессе их дальнейшей социальной адаптации.

Таким образом, в конце XVIII в. начались поиски рациональной тюремной системы, которая гарантировала бы исправление преступников. Появляется стремление придать тюрьме такое устройство, при котором она могла бы влиять на умственную и нравственную природу заключенного. Впервые зазвучали идеи о необходимости обучения преступников, однако в основном акцент делался на обязательность религиозного образования для данной категории граждан, а школьное (интеллектуальное, умственное) образование считалось либо лишним, либо необходимым настолько, насколько от него зависел успех религиозного образования.

Такая позиция в отношении образования осужденных к лишению свободы оставалась ключевой в большинстве стран до конца XIX в. Положение о том, что интеллектуальное образование играет второстепенное значение по сравнению с религиозным, было господствующим на цинциннатском международном тюремном конгрессе (1870) и лондонском конгрессе (1872).

Тем не менее с конца XIX в. по мере дальнейшего развития гуманистического течения в сфере исполнения наказаний начинают формироваться новые системы тюремного заключения: английская, ирландская и др., позднее названные прогрессивными, в которых школьному обучению осужденных придается немаловажное значение.

Серьезное внимание образованию осужденных уделялось в системе американских реформаториев. В данной системе обучение в школе было одним из средств исправления наряду с режимом отбывания наказания, трудом, физическими упражнениями и спортом, воспитательной работой и др.

Однако опыт прогрессивных тюремных систем и системы американских реформаториев имел локальный характер и не получил повсеместного распространения.

К концу XIX в. правовой мысли определяются две основные точки зрения относительно образования осужденных к лишению свободы. Сторонники первой, видя в преступнике человека нравственно-испорченного и сводя его преступность к безнравственности, обусловливаемой исключительно волей, полагают, что для борьбы с преступностью необходимо воздействовать на волю непосредственно при помощи религиозного образования. Другие же полагали, что направление воли определяют физические, общественные и личные компоненты, в основе последних лежит интеллект, разум, управляющий всеми другими элементами. Соответственно сторонники этой точки зрения делали акцент на необходимости интеллектуального (школьного) образования осужденных, которому, по их мнению, необходимо уделять первостепенное значение.

С конца XIX в. в странах Европы и в Российской империи начинает разворачиваться движение за расширение школьного образования осужденных к лишению свободы. Среди сторонников в Российской империи – И.Я. Фойницкий, С.В. Познышев и др. Но если необходимость и обязательность школьного образования несовершеннолетних к концу XIX – началу XX в. признается большинством ученых и практиков в Российской империи (И.Я. Фойницкий, Н.Д. Сергиевский и др.) и за рубежом (В. Крофтон, К. Кроне, Г. Берингер и др.) и постепенно становится аксиомой, то в отношении школьного образования взрослых заключенных перед пенитенциарной наукой встает ряд вопросов:

кого обучать (возраст осужденных), и должно ли образование осужденных к лишению свободы быть добровольным или обязательным;

чему обучать и в каком объеме необходимо давать образование осужденным к лишению свободы.

Следует отметить, что по поводу данных вопросов в пенитенциарной науке до сих пор нет единой точки зрения.

В конце XIX в. сложились три основные системы организации образования осужденных к лишению свободы, отражавшие основные идеи ученых и практиков того времени:

обучение лучших по поведению (французская система);

обучение всех желающих (англо-американская система);

обязательное обучение всех, кто имеет к этому способности (немецкая система).

В отношении объема образования осужденных также не было единого мнения среди ученых. Одни считали, что обучение осужденных необходимо как можно в большем объеме. Другие полагали, что умственное образование необходимо лишь настолько, насколько оно служит подспорьем техническому обучению в сфере освоения ремесел, а также нравственно-религиозному обучению и воспитанию.

Таким образом, в развитии правовой мысли в отношении образования как средства исправления осужденных к лишению свободы во второй половине XVIII – начале XX в. можно выделить следующие этапы:

вторая половина XVIII – конец XIX в. – образование осужденных к лишению свободы начинает рассматриваться как средство их исправления, однако первостепенное внимание уделяется религиозному образованию, роль интеллектуального (школьного) образования не дооценивается;

конец XIX – начало XX в. – в качестве средств исправительного воздействия на осужденных к лишению свободы обосновывается целесообразность использования интеллектуального образования, признается необходимость обязательного обучения несовершеннолетних заключенных, возрастает количество сторонников школьного образования взрослых осужденных. Тем не менее большинство ученых в этот период полагают, что оно не должно выходить за рамки элементарного образования.

УДК 343.8

М.Ю. Кашинский

МОТИВАЦИЯ ЧЛЕНОВРЕДИТЕЛЬСТВ ЛИЦ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Как свидетельствует анализ научной литературы и публикаций в СМИ, посвященных пенитенциарным проблемам, а также результаты проведенного нами исследования, наиболее популярными и традиционными способами выражения протеста со стороны осужденных к лишению свободы (содержащихся под стражей в СИЗО) выступают несуицидальные формы аутодеструктивного поведения (голодовка, демонстративная попытка суицида, членовредительство, умышленная аггравация заболеваний и др.), не приводящие непосредственно к смертельному исходу, цель которых – не лишение себя жизни, а получение какого-либо иного результата.

Так, 81,3 % опрошенных нами сотрудников уголовно-исполнительной системы выделили членовредительство (сознательное причинение себе различных ран, порезов, ожогов, проколов, нанесение травм, самоотравление) как наиболее распространенную форму аутодеструкции (самоповреждения) в местах лишения свободы, 36,9 % отметили голодовку, 20,3 % – попытки самоубийства и др.

При анонимном анкетировании осужденных (содержащихся под стражей) 66,9 % опрошенных также выделили членовредительство как наиболее распространенную форму самоповреждения, далее следуют голодовка – 40,7 %, попытки суицида – 38,3 % и др.

Важно также учитывать, что аутодеструктивное поведение значительно обостряет оперативную обстановку и влияет на деятельность учреждений УИС: 21,6 % опрошенных сотрудников и 27 % опрошенных осужденных считают, что лица, склонные к совершению самоповреждений, чаще других совершают правонарушения в исправительных учреждениях (ИУ) или в СИЗО. Это не позволяет эффективно организовать перевоспитание осужденных, а порой приводит к групповым эксцессам и тяжким преступлениям. Так, по данным российских исследователей, в последние годы в ИУ России наблюдается рост групповых актов членовредительства, которые способны породить волну подобных актов со стороны осужденных других учреждений. При этом групповые членовредительства как мощные протестные акции могут использовать уголовные авторитеты для достижения своих целей. Для этого они дают так называемые прогоны об одновременном «вскрытии» в целях привлечения внимания СМИ, правозащитников и общественности. Данное явление распространяется среди осужденных, нередко посягая на общественную безопасность и общественный порядок в ИУ, создавая реальную угрозу жизни и здоровью сотрудников, осужденных и иных лиц. Все это говорит о том, что проблема предупреждения членовредительств среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС, на сегодняшний день имеет сверхважное значение.

Необходимо отметить, что полноценная уголовно-правовая оценка каждого акта членовредительства невозможна без учета его мотивов и целей, которые, являясь понятиями взаимообусловленными, характеризуют разные стороны волевого процесса. Мотив отвечает на вопрос, зачем человек совершает действия, цель определяет направление деятельности. Цель – это то, к чему стремятся, что надо осуществить. Цель преступления – это идеальное представление лица о результатах, к которым оно стремится, совершая преступления. Мотив в широком смысле – это побудительная причина, повод к какому-либо действию. В криминологии мотив – это внутреннее состояние личности, детерминированное ее потребностями и являющееся побуждением к активным действиям по достижению преступной цели. В психологии из всех понятий, которые используются для описания и объяснения побудительных моментов в поведении человека, основными являются два понятия: «мотивация» и «мотив». Термин «мотивация» является более широким и чаще всего его определяют как совокупность причин психологического характера, объясняющих поведение человека, его начало, направленность и активность или систему факторов, детерминирующих поведение (сюда входят потребности, мотивы, цели, намерения, стремления и др.), и как характеристика процесса, который стимулирует и поддерживает поведенческую активность на определенном уровне.

Изучая аутодеструктивное поведение лиц, содержащихся в учреждениях УИС, мы будем использовать понятие «мотивация» преимущественно в первом значении, определяя ее как совокупность причин психологического характера, объясняющих поведение человека, его начало, направленность и активность.

Проведенными исследованиями установлено, что в учреждениях УИС преобладают несуицидальные формы аутодеструктивного поведения, ярко выраженной особенностью которых является демонстративный характер. При этом следует подчеркнуть, что из всех многочисленных проявлений несуицидальных форм аутодеструкции в учреждениях УИС преобладают случаи членовредительства. Причем если одиночные случаи чаще всего выступают в качестве призыва, крика о помощи, то массовые случаи членовредительства носят ярко выраженный протестный характер против требований или действий администрации ИУ.

По данным анонимного анкетирования осужденных, основная причина, побуждающая их к аутодеструктивному поведению, – это протест против действий администрации (45,2 %); несогласие с наказанием, назначенным судом (42,3 %); попытка изменить условия своего содержания (36,9 %) и др. Отметим, что 11,3 % опрошенных нами осужденных (заключенных) в качестве основной причины нанесения самоповреждений назвали желание попасть в больницу.